Сигналка

Мишка собирался порыбачить после школы. Половить широк на удочку да проверить морду, спущенную вчера. А что ещё делать бабьим летом? Картошку выкопали, капусту срезали, а «мятные», помороженные первыми студеными ночами ранетки остались только на макушке на радость птицам. Да и рыбалка эта — не просто развлечение, а польза — ежели рыбка крупная — можно и на сковородку её, а мелочь — так подкопить, да мама потом через мясорубку её, сала кусочек туда ж, хлебушка, яичко, если есть, конечно, — и всё, котлеты от магазинских не отличишь! А уж столовские и рядом не валялись!

Нет, конечно, можно было закинуть домой пакет с тетрадками да учебниками, и айда с ребятами грязь месить по посёлку. Но чего толку-то? В казаки играть, Витька опять начнет сигаретами трясти, батю свово изображать, сплёвывать и материться. Сашка скажет: пойдём на Тракторную, а там драка опять будет, чё туда ходить-то? Там Амирадна живёт, наркотой торгует…

Уж лучше к речке, тем более, что протекает она узенько как раз за огородом: вместо забора — обрыв с торчащими сухими бадылями, отживающей резной крапивой, пахучей осыпающейся полынью. Речка Олхатка — неширокая, однако ж и не перепрыгнешь, спускается с гор, змеится по долине и в омутах даёт кров широколобкам. Вот летом, когда компанией, кто взрослей в самый омут — рыб пугать, остальные их гонят, а потом рыбки и сами в сети плывут, заранее расставленные по течению…

Но то летом…

До рыбалки надо перекусить, и Мишка отрезает два куска хлеба от купленной по дороге булки, остальное любовно заворачивает в полиэтиленовый пакет и кладёт в центр обеденного, покрытого грязной клеёнкой, стола. В морозилке за куриным супнабором притаился бумажный свёрток с… ммм… маргарином. Мишка положил на хлеб ярко-желтые тонко нарезанные пластики, посыпал их сахаром. Такой пир он не каждый день себе устраивал. Вот поест, порыбачит — и картошку пора будет чистить на семейный ужин. Но это потом, а пока, откусывая кусочек за кусочком, Мишка громко швыркал горячим трижды заваренным чаем…

Вдруг залаяла Найда. Кто-то пришёл.

Мишка вышел во двор. В приоткрытую перекошенную воротину заглядывали женщины. Одну он узнал: та уже несколько раз приходила к матери, ругалась, грозилась, допрашивала Мишку так, будто мамы рядом и не стояло:

— Был в школе сегодня? Что сегодня ел? Почему на коленке ссадина? Где сестрёнка, где братик? Тебя на Тракторной видели, с кем дружишь оттудова? — и так далее.

А Мишка всегда честно и серьёзно отвечал:

— В школе был! Ел макароны! На физре играли в футбол, вот и упал. Галька и Борька у тети Маши гостят в городе, это мамина сестра, она врачиха, а в детсаду ремонт — потолок упал, вы не слышали?

И привирал иногда:

— А на Тракторной не был!..

Сегодня знакомая женщина была в полицейской форме: пиджачок, юбочка — нарядная, одним слово. Мишка аж залюбовался.

— Собаку закрой! — донеслось хором из-за ворот.

Мишка в пару прыжков подскочил к Найде, обнял её, погладил по спине. Лохматая псина замолчала, но волны гнева продолжали перекатываться по загривку. Он с усилием развернул её, прикрикнул и запихнул головой в конуру, вставил недогрызенную доску во вбитые металлические скрепы.

— А щенок где?! — громко спросила знакомая.

Мишка только пожал плечами. Мол, знать не знаю, бегает где-то по улице, поди.

Озираясь по сторонам, во двор вошла комиссия: знакомая полицейская, три незнакомки в деловых костюмах, в таких ходят тётеньки в телевизоре, и один мужик в робе и с дрелью в руках. Подойдя к крыльцу, гости вдруг начали проявлять хозяйские замашки.

— Так, капусту убрали, а чего листья валяются на огороде?

— Почему забор не почините?

— Да мужика у Таньки нет.

— Ага, нет, кажду неделю с новым бухает, знаем мы, а дети все зачуханные! Чё, за бутылку никого нанять не может забор подпереть?

— Ждёт, пока старшенький подрастёт?

Смеются. А Мишка только глазами хлопает: как же! Забор новый справить — так это ж доски нужны, а не бутылка, а где их взять-то?

— Так, дрова купили? Ага, вижу… Свинья у вас ещё вроде была? Ага, слышу…

И, не спрашиваясь, пошли в дом. А Мишке стыдно вдруг стало: пол не подметён ведь, со стола-то не убрано, а тетрадки на стуле валяются.

— Обедаешь, значит? Чего тут? Ага, ниче не сварено. Сковородка немытая. Мать где?

— На работе…

— Знаем мы её работу. Младшие где?

— Так ещё в детском садике. День же, где им быть-то?

— А ты? Со школы только пришёл?

— На автобусе приехал… со школы. На школьном автобусе я, — ему вдруг показалось очень важным, что он не пришёл пешком, а именно приехал на автобусе.

— В каком классе учишься? — спросила одна из тех, кто в костюмах.

— В шестом, — тихо и растерянно ответил Мишка.

— Так, с продуктами у вас получше стало, — сказала знакомая, когда проверила холодильник и буфет, и обратилась к остальным. — Видите, летом крыша протекала, в полах — щели, под потолком — тенёты. В грязи живут, а я тут ходи их проверяй. Короче, до первого загула, а там детей отбирать будем.

— Крепить будем здесь, в спальне! — вдруг невпопад сказал мужчина в робе.

— Смотри! — сказала знакомая. — Мишка, ты взрослый уже. Это ради безопасности ваших младшеньких… В городе мы организовали благотворительный концерт, на средства, собранные от него, мы купили вот эти замечательные пожароизвещатели для таких семей, как ваша! Если вдруг начнётся пожар, он как заорёт! Спать будете — так все проснётесь! Зато никто не задохнётся, не сгорит…

Мужчина привинтил плоскую коробочку к потолку. На ней замигала красная неонка.

— Запомни! — мужчина обратился к Мишке. — Она может среагировать на дым, сырость и пыль. Так что печку топите аккуратнее, крышу залатайте, чаще убирайтесь, да пылюку не поднимайте!.. В случае пожара немедленно выводи всех из дома! Если пожара нет, звук сам прекратится через пару минут. Смотри! — и поднёс зажигалку к прибору, чиркнул…

Что тут началось! Мерзкий, тонкий, отдающий звоном в ушах, но главное — невыносимо громкий — сигнал выкурил из дома абсолютно всех, и в первых рядах — тех, в костюмах.

— Вот видишь! Не пропадёте…

Мишка отошёл на середину двора, зажимая ладошками уши. Голова кружилась, сердце готово было выпрыгнуть из груди, а в голове звучал этот душераздирающий, не предназначенный для человечьего слуха писк.

— И не дай Бог открутите! — пригрозила знакомая.

Когда звук прекратился, с чувством выполненного долга благодетели покинули двор.

Мишка выпустил Найду, обнял её за шею и молча посмотрел в огород. Рыбал-

ка отменялась. Когда утих звон в ушах, Мишка чмокнул собаку в щёку, потрепал по голове и пошёл домой.

Пульсирующая красная бусинка под потолком притягивала взгляд. Как заворожённый он смотрел на неё и смущался её присутствия, словно вошёл не в свой дом. Огонёк мерцал, будто предупреждая: я здесь хозяин… И было что-то ещё в этом мигании-подмигивании: нехорошее озорство, злобное веселье, обещание хлопот.

«А как младшие услышат? — подумал Мишка. — Я кое-как очухался. А уж им-то…»

«Обязательно услышат, — подмигнула бусинка. — Вот печку вечером топить станете и услышите. Все».

«А если ночью дождь пойдёт?»

«Дождь будет обязательно. Вот увидишь», — подмигнул огонёк.

И Миша пошёл за отвёрткой…

Охота

Иван Семенович стоял как истукан и смотрел на удаляющихся девочек-восьмиклассниц. Из-за толстых стёкол глаза, и без того пребывавшие всегда навыкате, казались лягушачьими. Очки в коричневой роговой оправе, в бело-синюю полоску шапка-петушок, грязно-серый пуховик-колокол — вид, в общем, нелепый. Бывший главный инженер одного НИИ, пару лет назад отправленный на пенсию балласт…

Мужчина стоял недвижно, как вдруг резко повернулся и стрельнул сигарету у проходящего парня, закурил.

Девочки шли по аллее, в ярких полушубках, блестящих сапожках. Иван Семёнович быстро зашагал следом, нервно втягивая дым и выпуская его струйками из носа, не отводя взгляда, словно боясь потерять из виду. Девочки болтали: сегодня была оттепель, светило яркое солнце. Школьницы смеялись и размахивали руками, за спинами — фиолетово-розовые рюкзаки.

Аллея была длинная, попадался народ. Справа неслись автомобили. Слева бесподъездной стеной молчал плотный ряд пятиэтажек. С деревьев иногда падали хлопья снега. Оставшиеся мороженые ранетки клевали снегири. Иван Семёнович машинально скрутил в руке красный пакет и прибавил шаг, почти побежал. Автомобили остановились на светофоре, когда мужчина, тяжело дыша, нагнал девочек и выплюнул сигарету. По щекам от волнения потекли слёзы, взор затуманился, Иван Семёнович замер. Загорелся зелёный, девочки ступили на «зебру»… Когда переходили, даже не оглянулись на него.

Иван Семёнович побрёл обратно.

Миновав аллею, он стал прогуливаться по площади Академгородка из одного края в другой. Людей много, но одиноких девочек нет. Он постоял, стрельнул ещё сигарету, покурил, посидел на заснеженной скамейке, воровато осмотрелся, тяжело вздохнул. Может быть, завтра он успеет… Может быть, завтра осмелится… Может быть, завтра заговорит…

Как охота поговорить…

По спине пробежал предательский холодок.

А теперь успокойся, пора домой.

Он поднялся.

Надо ещё в магазин зайти: хлеба и молока взять. В угловой, там работает приветливая Катя. Она всегда улыбается и разговаривает. Ласково разговаривает, понимающе, со-чув-ствен-но.

Иван Семёнович расправил ярко-красный пакет, и мысли его уверенно повели по известному маршруту. А дома ждала больная старушка-мать.